

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.11.12>

Данчинова Мария Даниловна

Пространственно-временная архитектура художественной картины мира в творчестве бурятского писателя Сергея Доржиева

Цель исследования - выявление степени значимости пространственно-временного континуума в архитектонике художественного текста, определение роли данных категорий в выражении национальной картины мира. Научная новизна работы заключается в гипотезе о влиянии дорегионных (шаманистских) и религиозных (буддийских) воззрений на образ мира в рассказах современного бурятского писателя Сергея Доржиева. В этом плане творчеству художника еще не дана литературоведческая оценка. Впервые произведения писателя анализируются в призма пространственно-временных соотношений. В результате показано, что рассказы С. Доржиева художественно претворяют многие традиционные представления бурятского народа о строении мира, отношениях человека и природы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/11/12.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 11. С. 56-59. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/11/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

11. Сидоров О. Г. Платон Ойунский. М.: Молодая гвардия, 2016. 328 с.
12. Скобелев В. П. Слово далекое и близкое. Народ. Герой. Жанр: очерки по поэтике и истории литературы. Самара: Книжное изд-во, 1991. 278 с.
13. Спиридонов И. Г. Ойунский и наше время. Якутск: Бичик, 2003. 112 с.
14. Федунина О. В. Поэтика сна (русский роман первой трети XX в. в контексте традиции). М.: Intrada, 2013. 196 с.

Poetics of Dream in P. A. Oyunsky's Works

Grigoreva Ludmila Pavlovna, PhD
Ivanova Asya Gerasimovna

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk
grigormila@mail.ru; asya_ivanova1998@mail.ru

The research aims to study poetics of dream in the Yakut writer P. A. Oyunsky's works. The article analyses the form, structure and functions of dream in the dramatic poem "The Red Shaman" and prose works; identifies types and kinds of dreams. Scientific novelty of the research lies in analysing poetics of dream in P. A. Oyunsky's works with reference to poetics of the genre. The research findings have shown that types and kinds of dreams in P. A. Oyunsky's works vary from descriptive to narrative and fantastical and each one has its own compositional and ideological tasks: to reveal ideological conception of a work, to present and consider characters' emotional state and actions, to foreshadow future plot developments.

Key words and phrases: Yakut literature; dream as literary device; poetics of dream; P. A. Oyunsky.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.11.12>

Дата поступления рукописи: 12.10.2020

Цель исследования – выявление степени значимости пространственно-временного континуума в архитектонике художественного текста, определение роли данных категорий в выражении национальной картины мира. **Научная новизна** работы заключается в гипотезе о влиянии дорелигиозных (шаманистских) и религиозных (буддийских) воззрений на образ мира в рассказах современного бурятского писателя Сергея Доржиева. В этом плане творчеству художника еще не дана литературоведческая оценка. Впервые произведения писателя анализируются в призме пространственно-временных соотношений. **В результате** показано, что рассказы С. Доржиева художественно претворяют многие традиционные представления бурятского народа о строении мира, отношениях человека и природы.

Ключевые слова и фразы: С. Доржиев; современная бурятская литература; пространство; время; архитектоника.

Данчинова Мария Даниловна, к. филол. н., доц.

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ
marinadan67@mail.ru

Пространственно-временная архитектоника художественной картины мира в творчестве бурятского писателя Сергея Доржиева

Современные жизненные процессы изменяют духовно-ценностные ориентации общества, заставляют человечество обращаться к культурным традициям, генетическим истокам в поисках гармонизирующих начал. Одним из них является национальная литература.

Актуальность исследования обусловлена развитием современной бурятской литературы, проблемой сохранения в художественном воззрении мифопоэтических представлений, где приоритетными являются категории пространства и времени. С позиции О. М. Фрейденберг, национальное мировосприятие конкретно в своих формах и метафорах, верно соотносено с определенными чертами реальной действительности, что позволяет долгое время сохранять культурные основы отдельного народа [10, с. 23]. Для реализации поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**: проанализировать рассказы Сергея Доржиева с позиции отражения национальных параметров видения мира в призме категорий пространства и времени; выявить отличие художественной манеры писателя.

Данное исследование опирается на следующие **методы**: описательный, культурно-исторический и мифопоэтический.

Теоретической базой явились научные труды О. М. Фрейденберг, З. Д. Поповой, И. А. Стернина, А. И. Осипова, Б. Д. Базарова, О. Ю. Богуславской, Г. Д. Гачева, К. Г. Юнга, Е. М. Мелетинского, М. М. Бахтина, М. Д. Ахундова, в которых рассматриваются вопросы о параметрах пространства и времени в мировоззрении человечества, соотношении данных категорий в художественной картине мира, их отражении в языке народа, архетипическом и мифопоэтическом сознании.

Практическая значимость работы состоит в том, что полученные результаты могут быть использованы при разработке программ по бурятской литературе и фольклористике, в курсах лекций по дисциплинам «Литература народов Российской Федерации», «Методика преподавания бурятской литературы».

В быстроразвивающемся мире современному писателю сложно придерживаться черт национально-духовной идентичности, целостности того культурного кода, который берет свое начало из глубин веков, ведь процессы глобализации и всеобщей универсализации влияют в том числе и на художественное видение. В этом плане, с позиции Е. М. Мелетинского, необходимо вести речь о процессах «демифологизации» и «ремифологизации» в культуре и литературе народов мира [7, с. 3], тогда как в мифопоэтических, религиозных и философских воззрениях каждого народа находится особое представление о пространстве и времени, их составляющих началах.

Подобные мыслительные операции отображаются прежде всего в оформленных временем языковых единицах речи. Не случайно, по мнению З. Д. Поповой и И. А. Стернина, отражение картины мира, действительности со всеми составными находит воплощение в языке, который в первую очередь является отображением духовных составных всего народа [9, с. 54].

При этом картина мира, открывающаяся в произведениях, предстает в образе определенного пространства, которому соответствует художественная категория времени. Подобное представление о мире закономерно. С точки зрения ученого А. И. Осипова, «пространство» является именно той «фундаментальной категорией», которая определяет ментальное переживание бытия отдельным этническим сообществом, что в первую очередь отражается в разных уровнях и процессах развития языка [8, с. 134].

На особенность категории пространства в представлении картины мира указывал в свое время М. М. Бахтин. Ученый выявлял универсальные, типологические языковые черты в концепте «пространство», их отражение в художественном видении мира русским человеком [3, с. 108]. О. Ю. Богуславская обращает внимание на то, что категория «пространство» в языковом ядре состоит из таких понятий, как «обширность», «безграничность», «даль», «глубина», «открытость», «бытийность», на периферии которого находятся признаки, как «поле», «лес», «дом», «глаза» и другие [4, с. 22]. Писатели исходят из тех же параметров в отражении картины мира, что возникают в научных гипотезах, о которых, к примеру, пишет М. Д. Ахундов: «...каждой частице в природе соответствует античастица, и это обусловлено фундаментальными положениями современной теории и связано с кардинальными свойствами пространства и времени» [1, с. 199].

В своем творчестве С. Доржиев исходит из разрешения проблем человека с обществом, взаимосвязи людей с миром природы, в которых выявляется дисбаланс гармоничного соответствия. Не случайно его герои являются рыбаками, охотниками. Действительно, художественный план рассказов открывает безграничность такого пространственно-временного континуума, в котором как будто, на первый взгляд, превалирует пространство тайги, Байкала. Однако если присмотреться к этой картине мира, то открываются новые ориентиры, которые по-разному раскрывают изображаемое.

В этом плане перед читателем в образе мира выражаются как дорегионные – шаманистские, так и религиозные – буддийские каноны. С философской позиции, это есть именно те традиционные понятия о пространстве и времени, которые формировались веками в представлении народа о вселенной со всеми ее галактиками, многомерностью, самой землей, с отведенными в ней особыми местами жизни для каждого этноса в отдельности [2, с. 11].

С. Доржиев не случайно проверяет героев духовным испытанием на приверженность к данным основам. Отсюда в образе мира превалирует своеобразная категория иерархичности, которая, с одной стороны, раскрывает его неоднородность, с другой – выявляет неразрывность всех внутренних компонентов, к которым относится сам человек (герой рассказов), его взаимоотношения с окружающими, природа в ее стихийном проявлении.

Так, одни герои, по художественному замыслу писателя, совершенно забывают о живой энергии природы, отвергают традиции народа, его опыт, теряют ценностные мудрые установки, утрачивают понятие гармоничности, восприняв одну из черт пространственно-временного континуума – дискретность – как единственную основу своего пребывания в мире. К характеристике героев в этом плане подходит высказывание К. Юнга о том, что таким образом «человек завоевывает не только природу, но и дух, не осознавая при этом того, что он делает» [11, с. 99]. Другие персонажи С. Доржиева еще сохраняют в памяти духовное понимание взаимосвязи своей жизни с целостностью и полнотой всего мира. Центром этого пространственно-временного континуума становятся следующие составные: герой рассказа, природа с ее различными стихийными проявлениями, духовные обращения персонажей. Горизонтальные и вертикальные направления данной архитектоники мира пересекаются в жизни, судьбе, душе человека.

Подобное мировосприятие сказывается в тех героях, которые никогда не забывают о своей слиянности с миром, понимают ее живую энергию, в критические минуты жизни обращаются к ней за помощью. Таким примером являются обращения героев к божественным силам, духам природы: «Перестаньте! Не ревите! Еще ничего не знаем, еще ничего не известно, не смейте здесь плакать да сморкаться!.. Молитесь и просите Бога, чтобы он даровал им жизнь, молитесь хозяину Байкала, Ойхон бабаю нашему!» [6, с. 46]. Эти слова героини рассказа старой Сэбухэй обращены как к окружающим с призывом быть стойкими и терпеливыми в минуты надвигающейся беды (упавший на Байкал шторм унес в море лодку с родными), так и с мольбой к силам природы. При этом в ее молитвенной просьбе закономерно сочетаются как буддийское, так и шаманистское мировидение.

В обращении к имени Бога выражается сознание человека, живущего по законам буддизма. А требование героини не кричать, тем более плакать, является одним из канонов этого учения, которое заключается в том, что человек должен привлекать в своей жизни только хорошее, жить со светлыми помыслами, гнать

по-настоящему плохое от себя, в первую очередь дурные мысли, отрицательные эмоции. Иначе не будет для него пути в отведенных ему параметрах пространства и времени. Воздействие на человека хорошей – положительной или плохой – отрицательной силы, энергии не имеет в буддизме границ ни в пространстве, чем бы оно не было выражено, будь это определенный локус социального или природного происхождения или область души, ни во времени.

Поэтому героиня требует от собравшихся молиться о невестке и внуках, затерявшихся в байкальской штормовой круговерти: «Молитесь и молитесь! Помогите Дарье. Вспоминайте все хорошее о ней и говорите, в душе зовите ее домой, тяните к родному очагу!» [Там же, с. 48]. В этом плане С. Доржиев как художник наделен буддистским познанием того, что не только слова материальны, но и мысль человека энергетически наполнена. Требование героини переживать молча, терпеливо раскрывает характерную черту менталитета бурятского народа – внешнюю сдержанность во всех чувственных и эмоциональных переживаниях. Слезы, крики негодования, любое бурное проявление человеком своих чувств пресекается в буддизме. Это может привлечь отрицательную силу, разрушительную энергию, которые могут принести не только какую-то конкретную беду, но и довести человека до гибели.

В основе такого восприятия мира лежит закон кармы, безотносительный к категориям времени и пространства. В этом плане не случайно писатель вкладывает подобные слова в уста героини, старшей всех по возрасту. Художественная роль старой Сэбухэй в сюжетной линии, казалось бы, эпизодична. Однако именно в ее образе писатель представляет сохраняющиеся в народе основы буддийской мудрости. С позиции автора, человек на всем своем жизненном пути должен идти с именем Бога в душе, следовать высокому промыслу в словах, поступках, не осквернять духовный и материальный планы пространства, потому что действия или мысли людей в одном измерении рано или поздно скажутся в другом по закону кармы. Поэтому буряты с давних пор обязаны были свято чтить свою родословную по седьмое колено. Отсюда и образ героини, и ее эпизодичность важны в передаче художественной идеи писателя, стремящегося заставить современного человека не просто вспомнить о духовных истоках своего народа, но и постараться следовать им в наше время.

Понятие кармы раскрывается в рассказе «Мечь медведя», в сцене нападения зверя на главного героя. В этом, казалось бы, обыкновенном случае из жизни писатель закладывает идею кармичности человеческих поступков. Она раскрывается в парадоксальном нападении медведя на человека – не в тайге, каком-то лесном пространстве, а в доме. Дикий зверь приходит из леса намеренно. Можно понять, что авторская идея с данным сюжетом нужна была для живописности и драматичности изображаемой картины. Рассказ приобретает с этой сценой элемент интриги. Однако это не главная цель автора. С. Доржиев сквозь иронично-комичную нить повествования обращает внимание на признание именно значения кармы, что раскрывается в финальном эпизоде.

Одному из персонажей рассказа становится понятным поведение животного – тот был когда-то ранен главным героем и пришел ему мстить. Следует обратить внимание на возраст героя, разгадавшего странное поведение медведя. Это человек в годах. Такой возраст (старик Бато. – М. Д.) необходим был писателю для выражения именно глубинных духовных основ бурятского менталитета. Понятие кармы заключается в словах героя: «Как они, эти раны, болели, как он от них страдал! Как он стерпел, бедный, целую неделю! В такую жару! В такой мухоте!.. Он пришел с черной мыслью, слышишь меня, Дарма, пришел только за тобой! Как хорошо провел он разведку! Тебя и только тебя он хотел поймать!» [Там же, с. 127]. Главный герой своей беззаботностью, горделивостью, бездумным поступком с медведем заработал отрицательную карму. Писатель заставляет вспомнить буддийский завет, что любой поступок, действие, мысли человека не просто вызывают какие-то последствия, но и содержат определенную закономерность возврата к исходной точке.

Художественное претворение понятия кармы в рассказах С. Доржиева несет идею целостности мира, его неразрывности как в пространственном воплощении, так и во временной протяженности. Идея гармоничности выражается автором и в отображении основ шаманизма. Так, к примеру, это передается в словах героини Сэбухэй, в ее обращении к Богу и хозяину Байкала – Ойхон бабаю (бабай – с бур. отец. – М. Д.). Слияние в одной молитве слов «хозяин» и «отец» не художественная намеренность, а сохраняющийся в сознании бурят факт анимистического восприятия природного мира, что сформировалось в добуддийскую пору.

Слова «хозяин» (бур. – эжэн) и «отец» (бур. – бабай) относятся к тому историческому периоду, когда рождался процесс гармонической систематизации картины мира в представлениях народа. Человек не выделялся из этого пространства, он был частью («сыном») этого мира. Такое понятие родства с природой, выражающееся в строгой иерархичности «отец – сын», являлось своего рода «охранной грамотой» для людей в стихийных бедствиях. Люди знали, что в такие минуты можно было обратиться с мольбой о спасении к различным духам земли и неба. Именно о сохранении такого единства с миром говорит С. Доржиев в рассказах, наделяя героев культурно-генетической памятью. Как, например, это раскрывается в рассказе «Звезда наша путеводная»: «Звездное небо надо мной, безусловно, прекрасно, но у меня нет сил любоваться красотой мироздания... я вспомнил легенду о том, что с рождением человека на небе зажигается новая звезда и, освещая его земной путь, сопровождает всю жизнь...» [Там же, с. 76].

Размышления героя передают все еще сохраняющиеся шаманистские представления о гармоничном единстве человека со всем вселенским мирозданием. Духовная практика природного верования (шаманизма) веками закрепляла это познание. Для примера также обратимся к рассказу «Закон жизни»: «Мальчик обнял толстую сосну и, прыгая и топчя снег, заплакал еще больше, еще громче и еще страшнее. “Ты, сосна, свидетель всего, что произошло! Почему не защитила своим большим телом? Что я скажу маме, а? Что я скажу братьям?”» [Там же, с. 134].

Герой С. Доржиева знает о духе сосны, поэтому требует от него ответа за гибель отца от медведя-шатуна. Земной мир населялся многочисленными духами (эжэнами) – высокими и низшими существами. За каждым из них стояло особое разделение пространства на части с возложенными «полномочиями». Каждый локус представлялся как нечто целое, как отдельный мир по отношению ко всему остальному. С позиции исследователя Б. Д. Базарова, «по шаманским преданиям, человек прежде всего природное, разумное существо, которое обладает пластичностью. Несет на себе следы биогенетической и культурной эволюции и неразрывно связано с пространством и временем» [2, с. 16].

Оттого в героях С. Доржиева прорываются сохраняющиеся на культурно-генетическом уровне шаманистские основы о неразделимости человека со всей вселенной: «Косо проходит Млечный Путь, всем полным ликом улыбаются луна, мириады звезд, рассыпанных на темном бархате таинственного ночного неба, мерцают разной силой и неодинаковым цветом. Мигающих среди них было множество. Я нашел звезду Даши. Так же усиленно мигает. Должна же где-то подмигивать и Толина звезда. И моя тоже. Не может быть иначе. Ведь вся наша жизнь, все наше счастье еще впереди» [6, с. 111].

С. Доржиев, представляя неразрывность человека с открывающейся бесконечностью пространственно-временного континуума, напоминает нам о необходимости сохранения древних традиций, вековых познаний, предостерегает от грядущих бед, если люди забудут эти духовные основы. В этом плане писатель с художественной точки зрения словно перекликается с научным взглядом Г. Гачева в том смысле, что «каждый народ остается самим собой до тех пор, пока сохраняется особый климат, пейзаж, национальная пища, этнический тип, язык...» [5, с. 32].

Таким образом, в ходе анализа рассказов С. Доржиева мы пришли к следующим **выводам**. Художественной манере бурятского писателя присуща черта онтологического представления мира. Параметры пространства и времени одновременно локальны и бесконечны, дискретны и непрерывны, в целом – пластичны. Сюда входит план земной жизни людей с различными видами взаимоотношений, многочисленными проблемами, духовными поисками. Это горизонтальная направленность пространственно-временной заданности. В то же время внутренней направленностью мыслей героев, их обращениями к божественным силам эта горизонтальность переходит в план вертикальности, и это пересечение позволяет говорить о пластичности художественного мира рассказов С. Доржиева. Так рождается художественное единство мира. Кроме того, рассказы отражают сохраняющиеся в менталитете народа буддийские и шаманистские основы, которые несут традиции духовной культуры и являются критерием гармоничного восприятия мира.

Перспективы дальнейшей работы состоят в выявлении значимости данных основ в художественной ткани произведений С. Доржиева, творчестве других писателей, отражение мифопоэтических истоков в современной бурятской литературе.

Список источников

1. Ахундов М. Д. Пространство и время в физическом познании. М.: Мысль, 1982. 253 с.
2. Базаров Б. Д. Таинства и практика шаманизма: в 3-х кн. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. университета, 2009. Кн. 3. Человек во времени и пространстве. 209 с.
3. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. 502 с.
4. Богуславская О. Ю. Динамика и статика в семантике пространственных прилагательных // Логический анализ языка. Языки пространств: сб. ст. / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 20-30.
5. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М.: Академический проект, 2007. 511 с.
6. Доржиев С. Д. Звезда наша путеводная: рассказы. Улан-Удэ: Изд-во ГБУЗ РЦМП МЗ РБ имени В. Р. Бояновой, 2017. 222 с.
7. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Наука, 1976. 407 с.
8. Осипов А. И. Пространство и время как категории мировоззрения и регуляторы практической деятельности. Мн.: Наука и техника, 1989. 219 с.
9. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ; Восток – Запад, 2007. 314 с.
10. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. 800 с.
11. Юнг К. Г. Душа и миф. Шесть архетипов / пер. с англ. К.: Государственная библиотека для юношества, 1996. 384 с.

Spatial-Temporal Architectonics of S. Dorzhiev's Stories

Danchinova Maria Danilovna, PhD
Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude
marinadan67@mail.ru

The research objectives are as follows: to identify the place of spatial-temporal continuum in literary text architectonics, to reveal the role of these categories for expressing national worldview. Scientific originality of the study lies in the fact that the researcher proposes a hypothesis on influence of pre-religious (shamanistic) and religious (Buddhist) views on the modern Buryat writer Sergei Dorzhiev's creative work, whose literary texts have not been previously investigated in this aspect. The writer's creativity is for the first time analysed through the lens of spatial-temporal relations. The research findings are as follows: the author shows that S. Dorzhiev's stories artistically represent the Buryat people's traditional world model.

Key words and phrases: S. Dorzhiev; modern Buryat literature; space; time; architectonics.